

Максуд Ибрагимбеков

Прощай, "Миледи"!

В это лето все читали «Трех мушкетеров». Собственно говоря, о том, что такая книга существует, узнали не сразу. Сперва был фильм в кинотеатре «Баккоммуна», и все на нашей улице вели «вар-вар-вар-вар-вара» и так далее. До сих пор не знаю, что это означает — «вар-вар-вар-вар-вара», но тогда пели все эту чудесную песенку д'Артаньяна, и очень здорово получалось, особенно когда вели хором. Потом пришел дядя Джебраил и сказал, что есть такая книга — «Три мушкетера» — и что ее написал французский писатель Дюма.

Дядя Джебраил прекрасно разбирался во всех вопросах, связанных так или иначе с Францией, потому что окончил в Париже текстильный институт. Прошло много лет, но все наши родственники и знакомые до сих пор уверены, что дядя Джебраил прекрасно говорит по-французски. Может, так оно и было, но я сам слышал тогда от него лишь единственное французское слово: «Силянс». «Силянс» — это молчание. Дядя Джебраил произносил внушительным голосом: «Силянс», когда его перебивали, а потом все снова шло своим чередом, без единого французского слова. Да и то сказать, по-французски у нас во дворе говорить было не с кем.

Если дядю Джебраила приглашали на день рождения, а его все непременно приглашали, то он неизменно приносил в подарок спортивные трусы, майку и тапочки, и это независимо от пола и возраста именинника.

Дело в том, что дядя Джебраил считал себя крупным спортивным деятелем, потому что преподавал в Институте физкультуры. Что он там преподавал, до сих пор понять не могу, но спорт он пропагандировал всеми возможными способами.

Мы все тогда только и мечтали, что станем боксерами или Футболистами. Но это все было до того, как дядя Джебраил принес старую потрепанную книжку и сказал, что фильм сняли почти по этой книге и что, конечно же, книга ни в какое сравнение не идет с фильмом. Мы сначала подумали, что ему больше понравился фильм, а когда поняли, что все наоборот, начали немедленно читать эту книгу. Мы ее сначала прочитали вслух, а потом еще раз по очереди — каждый про себя. Мы прочли ее очень быстро, и с тех пор я больше всего завидую людям, которые в первый раз читают эту книгу.

Никто не хотел больше стать летчиком, пожарным или боксером. С того самого дня над крышей нашего дома не взлетел ни один самый зашудалый змей, пусть даже с единственным хвостом из бинта. Все ушли в мушкетеры. Мушкетеры были самые обыкновенные — с пистолетами и шпагами, в шляпах, украшенных страусовыми перьями. Если сказать по-честному, то перья эти становились страусовыми на наших шляпах, до этого они мирно росли на индюках и индюшках Ляфруз ханум. Птицы безропотно переносили расставание со своим имуществом, чего нельзя было сказать про Ляфруз ханум.

Экипировка каждого новобранца-мушкетера сопровождалась такими криками, что со стороны могло показаться, что перья эти вырывают у самой Ляфруз ханум или у ее каких-

то очень близ-ких родственников. Она проклинала и нас, и почему-то наших родителей. Больше всего в таких случаях доставалось богу. Все дело в том, что Ляфруз ханум очень верующий человек. Я ни-когда позже не встречал таких истово верующих людей. Она твердо знала, что бог существует, она слепо в него верила, и по этой причине любую житейскую неприятность она воспринимала как выпад, направленный против нее. Ее взаимоотношения с богом были основаны на условиях взаимопонимания и равен-ства. Она требовала к себе элементарного внимания и уважения, не больше. Если богом эти условия соблюдались, то Ляфруз ханум оказывала ему все знаки внимания, на какие только мог рассчитывать самый тщеславный бог всех времен и народов.

Но если бог, очевидно, занятый какими-то посторонними, по мнению Ляфруз ханум, делами, на время забывал о ней и за этот промежуток времени случалось что-нибудь не соответствующее планам и вкусам Ляфруз ханум, тогда... тогда она выходила на середину нашего двора. Она вздевала руки к небу и начинала выкрикивать все, что она думает о своем вчерашнем куми-ре – боге и о его ближайших соратниках. Она выкрикивала такое, что в самую июльскую жару во всех квартирах немедлен-но захлопывались окна и двери, а со двора сзывалось все детское население дома.

А вообще, конечно, она зря ругала бога. Он очень хорошо относился к ней и к ее семье. Они были самые богатые люди у нас во дворе. Муж Ляфруз ханум был завмаг. Наверное, в его магазине платили очень большую зарплату, потому что они жи-ли лучше, чем любой наш сосед не только во дворе, а даже и на улице. Дядя Джебраил сказал нам как-то, что муж Ляфруз ха-нум получает в месяц больше, чем президент любой академии наук. Дядя Джебраил сказал еще, что никому нет дела до того, сколько получает в месяц президент, а вот размеры зарплаты мужа Ляфруз ханум постоянно интересуют милицию. А еще он сказал, что дело даже не в зарплате, а в том, что Ляфруз ханум и ее муж недостойные люди, независимо от получаемых денег, и запретил нам иметь с ними что-нибудь общее.

Впрочем, нам тогда было не до Ляфруз ханум — мы играли в мушкетеров. Вернее, мы не играли, а были мушкетерами. Теперь у нас во дворе не дрались просто так, а обязательно вызы-вали друг друга на дуэль. Это же очень здорово — быть муш-кетером. Самая лучшая профессия на свете. Тогда мы все были влюблены в королеву Франции — Анну Австрийскую, и из-за нее у нас во дворе произошло несколько дуэлей со смертельным исходом. Это был единственный случай в нашей жизни — когда мы любили королеву.

В этот день должна была состояться очередная дуэль в ее честь; наши противники из дома № 151 уже обнажили шпаги, и секунданты уже дали было знаки приступить к бою, когда Ляфруз ханум учинила свой очередной скандал по поводу страусовых перьев. Вначале она своим громким, душераздирающим криком пожелала, чтобы у всех, кто вырвал перья у ее индюшек, отсохли те части тела, которыми они их вырывали. По-том она очень трогательно описала, как при этом будут рыдать и стонать родители будущих инвалидов. И только после этого занялась богом, который видел, как издевались над беззащитными птицами, над его же созданиями, и над нею, Ляфруз ханум, и не вмешался. Она кричала все громче, а бог безмолвствовал. Кажется, он решил свести с нами счеты попозже, когда мы станем взрослыми.

Индюшки равнодушно смотрели на Ляфруз ханум, как будто весь этот шум не имел к ним никакого отношения, ну и мы тоже помалкивали. Этим индюшкам жилось неплохо, я бы

даже сказал — хорошо, о них заботились, как об очень хороших людях, и о том, чтобы их нарезать и сварить суп, не могло быть и речи, да и к чему — свежее мясо и битая птица в неограниченном количестве раз в день строго по расписанию доставлялись на дом Ляфруз ханум. Так что Ляфруз ханум держала этих индюшек просто так, для удовольствия, как другие держат рыбок в аква-риуме, или канареек, или даже просто попугаев. Правда, от индюшек во дворе всегда запах и мухи, но мне интересно было бы увидеть человека, который сказал бы Ляфруз ханум, что ему нравится такой запах или мухи...

У нас во дворе я такого человека так и не увидел. Да... Так вот: Ляфруз ханум кричала громким голосом, а мы стояли, слушали и ждали, когда она кончит. И вдруг она замолчала. Во дворе сразу наступила тишина, и в этой тишине мы услышали странные чмокающие звуки — Ляфруз ханум целовала свою дочку, которая только что вернулась с дачи. Дочку Ляфруз ханум звали Саида. Она вырвалась из объятий матери и теперь поправляла бант на голове.

— Все волосы растрепала! — тоненьким голосом сказала она матери.

А Ляфруз ханум смотрела на нее влюбленными глазами. Мы стояли, смотрели и не узнавали Саидку. Прошло полтора месяца всего, мы даже не заметили, как оно пролетело, это время, а Саидка здорово изменилась. Красивая стала. Очень красивая! Прямо в глаза всем бросилось, какая Саидка загорелая и красивая. Мы все стояли и смотрели на нее молча. И она молчала.

— Ты с ними не играй! — сказала Ляфруз ханум. — Они нехорошие, мучают наших индюшек.

— Буду играть! — сказала Саида и надула губы.

Они ушли в дом, а мы смотрели им вслед и думали: какая Саида стала красивая. Мы об этом подумали все разом, думали несколько часов подряд, и вечером того же дня окончательно в нее влюбились. Мы даже к Ляфруз ханум начали относиться чуточку лучше, а о том, чтобы выдрать ее индюшке перо, — об этом теперь никто и не помышлял. И всем новичкам из-за отсутствия страусовых перьев пришлось поступать не в мушке-теры, а в простые гвардейцы.

Мы сели и написали все вместе Саидке письмо, в котором рассказали ей, как мы все ее любим. Мы ее и вправду очень любили. Она как две капли воды была похожа на возлюбленную д'Артаньяна Констанцию Бонасье. По-моему, Саидке все это очень нравилось, и она даже слегка заважничала. Она с утра до вечера теперь играла с нами. Она была госпожой Бонасье, а мы каждый день из-за нее дрались и умирали в парадной нашего дома. Ляфруз ханум теперь относилась к нам гораздо лучше, и вообще теперь она скандалила реже.

Помню, в этот вечер дядя Джебраил вернулся из Тбилиси, где проходил матч трех республик. Он сидел и рассказывал о матче, о прекрасной спортсменке-дискоболке Нине Думбадзе и о двух каких-то невероятно способных прыгунах — Хандадаше и Балададаше Мадатовых. Дядя Джебраил сказал, что он уверен, что кто-нибудь из нас впоследствии станет чемпионом или рекордсменом мира. И я очень рад сейчас, что дядя Джебраил так и не узнал, как он в нас здорово ошибся. Он сказал, что спорт — занятие благородных

людей, и только хотел сказать что-то о непоправимом вреде курения в нашем возрасте, когда появилась Саида. Наверное, дядя Джебраил тоже сразу увидел, что Саид-ка очень похожа на Констанцию Бонасье. Во всяком случае, он поздоровался с нею очень приветливо. Мы сказали Саидке:

— Это дядя Джебраил.

А дядя Джебраил сказал целую фразу по-французски:

— Ле-з-ами де ме-з-ами сон ме-з-ами...

Что в переводе оз-начает: «Друзья моих друзей — мои друзья».

Мы потеснились и уступили ей место на ступеньке. Она села прямо напротив дяди Джебраила, и теперь казалось, что он рас-сказывает только для нее, а мы не в счет.

Это всегда так: стоит Саидке появиться, как все начинают с ней носиться. И дома у них все для Саиды, и везде. Но нам это было приятно, потому что мы все тогда в нее были влюблены...

Мы сидели и слушали дядю Джебраила. Он рассказывал очень интересные вещи, когда вдруг на улице раздался скрежет тормозов и крики. Мы все бросились на улицу и прямо перед нашими воротами увидели машину, которая стояла, развернув-шись боком к движению, а вокруг машины — толпу. Ну, мы, конечно, сразу растолкали всех, пробрались к машине и увидели, что под ней лежит собака, здоровая черная собака, и хрипит... И никто не знает, что делать... Кто-то сказал, что собаку надо застрелить, чтобы зря не мучилась.

Это всегда в таких случаях находится кто-нибудь, который говорит, что необходимо животное застрелить, чтобы оно зря не мучилось, как будто он видел когда-нибудь в жизни, чтобы стреляли собак, или кошек, или лошадей. Не знаю даже, откуда это выражение пошло...

Собака лежала под машиной и хрипела, а потом и хрипеть перестала. Тут шофер, который ходил вокруг машины, сказал, что ему надо ехать по делам, сел в машину и уехал, а собака осталась посреди улицы. И постепенно все начали расходиться, и из окон перестали смотреть.

Мы оттащили собаку на тротуар, чтобы еще раз не перееха-ла ее какая-нибудь машина, и стали думать, что с этой собакой делать. Кто-то сказал, что собаку отвезут за город и похоронят там, на специальном собачьем кладбище, и что об этом ему сказал сам управдом. Все начали спорить о том, есть ли специальное собачье кладбище или нет, когда собака вдруг открыла глаза. А мы-то думали, что она дохлая.

Она смотрела на нас очень серьезно, как будто хотела что-то спросить. Может быть, ей было интересно узнать, что же произошло после того, как она на какую-то секунду, перебегая улицу, столкнулась с машиной. Ведь собаки, наверное, об этом не знают, а когда узнают, обычно бывает слишком поздно. И вправду, откуда обыкновенной собаке, и, кажется, даже не особенно породистой, знать, что происходит, когда несколько тонн автомобиля на скорости шестьдесят километров в час стал-киваются с несколькими килограммами собачьего тела. По-моему, этого не знает ни одна собака на свете. Просто они до-гадываются, что ничего хорошего из этой встречи не получится, и держатся от

машин подальше, ну а этой не повезло. Она не визжала и не скулила, лежала и смотрела на нас. Задумчиво как-то смотрела.

Мы взяли эту собаку и перетащили во двор. Мы, когда несли, все боялись, что она укусит, не со зла, а так, от боли, ведь у нее были перебиты все кости, но она ничего, не укусила, только тяжело дышала, и все.

Саидка шла сзади и говорила, что нам попадет всем дома, потому что мы с ног до головы перепачкались в крови. Мы со-баку уложили в подвале и до поздней ночи провозились с ней, а дома нам всем и вправду здорово влетело.

Утром, только-только рассвело, мы прибежали в подвал, боялись, что она издохла. Собака еле дышала, но была жива. Мы помазали ей раны стрептоцидовой мазью, а потом те, кто учился в первую смену, ушли в школу, а остальные остались в подвале.

После школы мы пошли на 4-ю Параллельную улицу, в ветеринарную лечебницу и попросили, чтобы нашу собаку осмот-рел врач. Нам сказали, чтобы мы принесли ее сюда, но это до того, как мы рассказали, в чем дело, а когда рассказали, один врач в очках — он очень был похож на доктора Айболита — засмеялся, взял с собой чемоданчик и пошел с нами. Мы с ним спустились в подвал и подвели его к собаке. Он осмотрел собаку и сказал, что удивляется, как это она до сих пор жива. Он ска-зал, что очень сомневается, что эта собака выживет, а если вы-живет, то это просто будет чудо. Он дал нам лекарства, объяс-нил, что с ними делать, и ушел. На прощание он сказал нам, что если собака в ближайшие два-три дня не издохнет, то пусть кто-нибудь из нас ему об этом сообщит, он придет еще раз...

Она не сдохла в эти три дня. Через три дня собака уже под-нимала голову, когда кто-нибудь из нас входил в подвал, и пробовала даже махнуть хвостом при этом. Все соседи нашего двора посылали этой собаке остатки супа или бульона: собака больше ничего другого кроме супа есть не могла, потому что у нее была перебита челюсть. Три раза в день мы мазали ее раны лекарством, которое нам оставил доктор. Мы старались делать это очень осторожно, но все равно ей, кажется, было очень больно, потому что она начинала легонько повизгивать и норо-вила лизнуть руку.

На третий день пришел врач и страшно удивился, что наша собака осталась в живых. Он сказал, что мы молодцы и что теперь эта собака уже точно выживет. Он ушел, а мы стали ду-мать, как назовем эту собаку, когда она выздоровеет. Мы назы-вали различные клички, но всем ни одна не нравилась.

Мы спросили у Саидки, как она хочет, чтобы мы назвали нашу собаку. Саидка сказала, что ей это все равно, потому что эта собака противная: от нее плохо пахнет и у нее, наверное, есть клещи. И вообще она ее видеть не может.

От собаки, вернее от лекарств, которыми мы ее мазали, дей-ствительно пахло не очень хорошо, и клещи у нее, кажется, были, но собака же в этом не была виновата. Мы сказали Саидке, что искупаем собаку, как только она станет на ноги, но Саидка ничего не ответила, вид у нее был очень недовольный. Дядя Джебраил внимательно посмотрел на нее, но ничего не сказал.

Так мы и не придумали кличку нашей собаке. Потом мы, как обычно, начали играть в мушкетеров, и, как всегда, Саидка была Констанцией Бонасье, а мы все по очереди в этот вечер были д'Артаньянами, и каждый из нас по очереди из-за нее побеждал всех.

Прошло еще полмесяца, и собака уже начала ходить. Она делала несколько шагов по подвалу и сразу же ложилась, оттого что уставала или ей становилось больно. Она уже ела и мясо, и хлеб, а завидев нас, сразу начинала махать хвостом, и по всему было видно, что она нам очень рада. Это была большая черная собака, и ни у кого из ребят на нашей улице не было такой собаки.

Мы все уговаривали Саидку спуститься как-нибудь с нами в подвал, но она ни за что не соглашалась — она боялась там испачкаться.

Мы никак не могли выяснить, какой породы наша собака, а у ветеринарного врача мы забыли спросить. Дядя Джебраил сказал, что самые умные собаки на свете — это ньюфаундленды и может быть, наша собака как раз ньюфаундленд, но он, дядя Джебраил, в этом сомневается, потому что, насколько ему известно, в Баку есть только немецкие овчарки, доги и один буль-дог, а о существовании ньюфаундленда он ничего не слышал.

— Но это ничего не значит, — добавил он. — Вполне вероятно, что наша собака и есть тот самый до сих пор отсутствующий ньюфаундленд.

Мы еще раз спустились в подвал, чтобы убедиться в этом. Собака была большая, черная и умная. Самый настоящий нью-фаундленд. Мы так и решили, а дядя Джебраил улыбался.

И вот наконец наступил день, когда собака сама, без нашей помощи, поднялась по лестнице из подвала. Она шла по двору и жмурилась от яркого солнца, а мы все шли за ней и радовались. Собака слегка прихрамывала, но дядя Джебраил сказал, что это скоро пройдет и недельки через две мы возьмем нашу собаку на пляж. Он хотел еще что-то сказать, но в это время собака вошла в раскрытую дверь квартиры Ляфруз ханум, а там в коридоре за столом сидела и завтракала Саидка. Собака подошла к ней и лизнула ей ногу, а мы стояли все у дверей и смотрели, как наша собака знакомится с Саидкой.

— Мама, — сказала плачущим голосом Саидка, — эта противная собака всю меня облизала!

Из комнаты вышла Ляфруз ханум. В руках у нее была палка с надписью «Кавказ». И, прежде чем мы успели что-нибудь сказать, Ляфруз ханум ударила этой палкой собаку. Ударила два раза, и не особенно уж сильно. Собака вышла из их квартиры и пошла к подвалу, а Ляфруз ханум кричала ей вслед, что вот только ей не хватало, чтобы в ее квартиру приходили собаки, что всего она в этом дворе повидала, только этого не видела. Саидка тоже что-то говорила, но мы уже не слышали, мы побежали в подвал... Вечером собака издохла...

С этого дня все во дворе, даже те, кто не читал «Трех мушкетеров», называли Саидку «Миледи». И даже много лет спустя, когда умер дядя Джебраил, когда все мы стали взрослыми и разъехались из нашего двора, когда уже снесли дом, в котором выросли «мушкетеры», Саидка осталась для всех «Миледи».